

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470)"16/18"+930:001.12
DOI: 10.17223/19988613/51/23

В.Я. Мауль

РАЗИНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ХАОСЕ ВРЕМЕННОГО КОЛЛАПСА (РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОДНОЙ НОВОЙ КНИГЕ)

В рецензии анализируется «исторический очерк» историка Н.И. Никитина «Разинское движение: взгляд из XXI в.», изданный в 2017 г. отдельной книгой в издательстве Института российской истории РАН. Рассматриваются основные концептуальные положения авторского понимания разинской темы, в том числе его познавательные подходы к опубликованным историческим источникам и имеющейся историографической литературе по истории народного движения под предводительством С.Т. Разина. Отмечены наличие недостатков в теоретических конструкциях, предложенных Н.И. Никитиным, а также отсутствие научной новизны во взглядах и оценках разинского восстания. Показано, что набор, формулировки и трактовки дискутируемых в книге Н.И. Никитина проблем отражают уровень представлений о разинском движении, характерных для отечественной историографии конца 1980-х – начала 1990-х гг. Делается вывод, что они не соответствуют содержанию современному пониманию проблемы социального протеста в России.

Ключевые слова: разинское восстание; историография; Н.И. Никитин; «взгляд из XXI в.»; С.Т. Разин; разинцы; историографическая критика; рецензия.

Не секрет, что на постсоветском научном пространстве тематика народных движений в дореволюционной России утратила былую привлекательность и популярность. Немногочисленным сегодняшним «бунтоведам» остается с тоской ностальгировать о приоритетах советской историографии, уповая на то, что когда-нибудь ситуация вновь перевернется к лучшему. На фоне такого историографического затишья появление книги ведущего научного сотрудника ИРИ РАН, кандидата исторических наук Н.И. Никитина о разинском движении не могло остаться незамеченным специалистами [1]. Оно незамедлительно спровоцировало среди них оживленные пересуды в кулуарах, в ходе которых звучали суждения самого различного толка. Уже одним этим обстоятельством «очерк» Н.И. Никитина заслуживает пусть лапидарной, но специальной историографической реакции. Смело надеяться, что занимаясь без малого тридцать лет протестной проблематикой, заслужил право высказать соображения о новом исследовании по истории разинского восстания, вышедшем из-под пера историка, давно известного своими публикациями по казачеству, сибирским землепроходцам и феномену колонизации, но никогда прежде предметно не интересовавшегося бунтами и бунтовщиками.

Текстовая часть этой небольшой книги (160 с.) структурно состоит из введения, четырех глав и завершающего раздела, носящего длинное название «Вместо заключения. О последствиях, характере и историческом значении разинского движения» (31 с.). Сами же главы, значительно отличаясь по объему, отражают процесс последовательной реализации авторского понимания темы: 1) «Донское казачество после Смуты» (5 с.); 2) «Усиление социальной напряженности на До-

ну в 1660-х годах и поход Василия Уса» (8 с.); 3) «Волжско-Каспийский поход Степана Разина и его последствия» (25 с.); 4) «Разинское движение 1670–1671 гг.: триумф и разгром» (53 с.). Все это дополняется примечаниями / сносками, краткой хронологией разинского движения, списком литературы и указателем имен.

Интригующе заманчиво выглядит подзаголовок книги – «взгляд из XXI в.», обещающий россыпь новых эвристических находок, историографических нюансов и методологических подходов к осмыслению, казалось бы, неплохо изученного сюжета отечественной истории. Очевидно же, что после многочисленных работ авторитетных предшественников не было никакого иного смысла браться за разинскую тему. Любопытно, что в список литературы Н.И. Никитин включил ряд собственных трудов, большая часть которых опубликована в диапазоне с 1986 по 1994 г., видимо, намекая, что уже тогда у него сформировался озвученный теперь взгляд из XXI столетия.

Впрочем, Н.И. Никитин не счел нужным поделиться с читателями разъяснением, что конкретно он имел в виду, дав столь эпатажный подзаголовок. Остается только строить различные догадки. Маловероятно, что подразумевалась банальная констатация факта – данная книга написана автором, живущим в XXI в. Возможно, Н.И. Никитин хотел в свете нынешнего разумения проанализировать имеющуюся историографию Разинщины, прежде всего, работы, появившиеся в начале нашего века, но, скорее всего, задумывал с учетом возможностей современного «инструментария» исторической науки нарисовать принципиально иную, нежели прежде, картину разинского движения. Увы, приходится

признать: какое бы предположение ни было верным, в любом из названных вариантов автор книги оказался не на высоте.

Так, остается непонятым, на каком научном фундаменте Н.И. Никитин рассчитывал сконструировать современный взгляд на проблему, коль скоро никаких новых источников для этого им не было привлечено. Чаще всего на страницах книги они цитируются не напрямую, а заимствуются из монографий и статей историков разинского восстания (В.И. Буганов, Н.А. Мининков, А.П. Пронштейн, В.М. Соловьев, Е.В. Чистякова и др.). Или по известным сборникам документов, среди которых на первом месте стоит фундаментальное четырехтомное (в пяти книгах) издание «Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина» и опубликованные под редакцией А.Г. Манькова два выпуска иностранных извещий о разинском восстании [2–4]. Конечно, само по себе последнее обстоятельство ни для кого из ученых не является предосудительным. По общему мнению, разделяемому Н.И. Никитиным, за долгие годы изучения был опубликован «почти весь сохранившийся документальный материал, имеющий прямое отношение к движению Степана Разина» [1. С. 5]. Понятно, что названные и иные публикации источников осуществлялись как раз с целью стать весомым подспорьем для последующих научных изысканий. У историков всегда имеется шанс попытаться «разговорить» опубликованные и давно известные источники, более глубоко, качественно и подробно раскрыв их информационный потенциал. Подобные исследования также востребованы наукой и вызывают не меньший интерес со стороны профессионального сообщества, но они же требуют применения тонких познавательных интерпретаций и новых методологических стратегий. Однако Н.И. Никитин не стал обременять себя «заумными» эпистемологическими экзерцициями, ограничившись старым добрым нарративом.

На протяжении всех четырех глав с большей или меньшей подробностью освещаются основные предпосылки, причины и события разинского восстания в духе привычного как минимум с советских времен социально-экономического детерминизма. Чтобы в этом убедиться, достаточно для сравнения взять в руки исследование любого тогдашнего историка о С.Т. Разине и Разинщине. Именно тяготы социально-экономической жизни вольных донских казаков и подневольного люда страны обуславливали, по мнению автора, их протестную поведенческую активность на протяжении 60-х – начала 70-х гг. XVII в. Мягко говоря, мысль отнюдь не новая и, как показывает внимательное обращение к источникам, вовсе не самая продуктивная. По крайней мере, многочисленные примеры из истории народного протеста убеждают в том, что зачастую бунтовали далеко не самые сырые и обездоленные представители социальных низов. Что для перерастания подспудного недовольства населения в открытые фор-

мы неповиновения им нередко требовалось осмыслить свое положение в привычных религиозно-монархических категориях традиционной ментальности. Допустим, как результат правления «ложного» царя или как следствие несправедливых происков «бояр-изменников», о которых царь-батюшка знать не знает, ведать не ведает. Например, О.Г. Усенко справедливо указал на важную для простонародья психологическую грань между понятиями «эксплуатация» и «угнетение». Первое – «чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей. Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле и / или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее у него какие-либо негативные эмоции. “Усиление гнета” могло происходить и при неизменности характера и уровня эксплуатации. Все дело в том, как и чем эксплуатация оправдывалась, насколько она выглядела нормальной или терпимой для тех, кто был ее объектом» [5. С. 62]. По ходу дела замечу, что даже дореволюционные историки, признавая в принципе значение социально-экономических факторов, порой бывали изобретательнее и разнообразнее Н.И. Никитина в толковании природы мощного народного движения под предводительством С.Т. Разина.

Лишь изредка в тексте четырех глав автор отвлекается от незатейливого пересказа давно известной информации. Вопреки взятой на вооружение методике безоценочного повествования он, словно бы внезапно, вдруг вспоминает о недопустимости «нарушать принципы историзма в целом и герменевтики в частности» и призывает «понять происшедшее, взглянув на него глазами живших тогда людей». Но нигде ранее или позднее не руководствуется собственной в общем верной декларацией. И это не случайно, поскольку невозможно смотреть на прошлое глазами самого прошлого, когда пропагандируешь «взгляд из XXI в.». Н.И. Никитину все-таки надо было определиться со своими познавательными ориентирами – либо одно, либо другое. Путаница с методологией сыграла с ним злую шутку. Потому-то его якобы взвешенные попытки оценить насильственные практики обоих противоборствующих в восстании сторон (разинцев и их противников) [1. С. 52–58, 80–82, 89–91] выглядят всего лишь ученым морализаторством нашего современника, но никак не стремлением понять полисемантическую наполненность кровавых расправ с точки зрения современников С.Т. Разина – носителей принципиально иного культурного багажа.

Наиболее привлекательным для читателей выглядит раздел «Вместо заключения», где Н.И. Никитин, наконец-то, отказывается от аксиологического безмолвия и пытается дать собственные оценки разинскому восстанию и его отражению в фольклоре и историографии. Кстати, этим же сюжетам посвящена его отдельная статья, вышедшая практически одновременно с «очер-

ком» в «Трудах Института российской истории РАН» [6]. Причем статья едва ли не дословно воспроизводит текст заключительного раздела книги. Впрочем, и там и тут можно заметить несуразности в авторской исследовательской манере. Например, не соглашаясь с некоторыми взглядами историков на разинский фольклор, Н.И. Никитин не считал нужным самостоятельно ознакомиться с многочисленными («более чем 200 записанных песен о Разине») произведениями народного творчества. Между тем они также неоднократно были опубликованы. Остается только недоумевать, откуда же у Н.И. Никитина могли появиться собственные суждения, отличающиеся от тех исследователей, кто этот самый фольклор изучал специально и досконально. Аналогичным образом он поступает при анализе характеристик, «которые давали разинскому движению и его лидеру народнически и социал-демократически настроенные литераторы и публицисты XIX – начала XX в.». Кроме ссылки на автореферат докторской диссертации В.М. Соловьева (даже не на саму диссертацию), иного источника осведомленности Н.И. Никитина о взглядах упомянутых авторов мы не найдем. То же самое касается оценки мнения дореволюционного историка Д.И. Иловайского, подходов «крайне политизированной» ранней советской историографии и многого другого [1. С. 103–107].

Далее Н.И. Никитин вполне по-современному акцентирует важную проблему типологии массовых народных движений XVII–XVIII вв., в том числе применительно к разинскому восстанию. Но сводит ее, по сути дела, к примитивной дихотомии «крестьянские войны» – «гражданские войны», не понимая, что в таком случае воюет с «ветряными мельницами», всего лишь отдавая дань должного давно минувшему историографическому прошлому. Но даже здесь автор рассуждает на неглубоком теоретическом уровне. Поэтому у читателей нет возможности узнать, какое содержание советские историки вкладывали в понятие «крестьянские войны в России», какими признаками они наделялись и, соответственно, почему ныне этот термин оказался не в чести у специалистов. А вот соглашаться с призывом Н.И. Никитина (вслед за В.М. Соловьевым) уйти в сторону от полемики по поводу типологии выступлений социальных низов в дореволюционной России спешить не стоит, ибо вопрос этот отнюдь не второстепенный [Там же. С. 108–111].

На первый взгляд, совершеннейшей неожиданностью выглядит обращение Н.И. Никитина к проблеме альтернативности и инвариантности истории на примере разинского движения. Однако оказывается, что и здесь он вторичен, не оригинален, к тому же, слабо представляет вопрос, о котором взялся рассуждать. Чтобы оценивать гипотетические возможности исхода разинского бунта (например, вероятность победы восставших), автору книги надо было сначала познакомиться с азами контрфактического моделирования прошлого, давно уже предложенными в исторической

науке [7, 8]. В данном же случае Н.И. Никитин ничто же сумняшеся просто «прикидывает на глазок», но делает концептуально значимый вывод: «подобный вариант развития событий был невозможен в принципе». Вот интересно, догадывались ли сами разинцы, поднимаясь на борьбу, о ее бесперспективности? Или царское правительство, обрушившее на восставших значительную часть своей военной мощи? Посчитав этот вопрос не самым значимым, Н.И. Никитин полагает куда более важным обсудить последствия отрицаемой им победы бунтовщиков. В качестве примера опять же гипотетической феодализации повстанческой верхушки и ее «быстрого превращения в помещиков», он предлагает «обратить свой взор на близкую Украину», где в середине XVII в. именно так все и произошло [1. С. 121–122]. При этом совершенно забывая историографическую аксиому – аналогия не является доказательством. Но сие, похоже, Н.И. Никитину не ведомо.

По набору, формулировкам и трактовкам diskutированных проблем возникает стойкое ощущение, что познания Н.И. Никитина о разинском восстании не идут дальше того предела, на котором остановилось изучение этой темы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Поэтому, заявив «взгляд из XXI в.», Н.И. Никитин в своем «очерке» за редким исключением черпает сведения из работ XIX–XX столетий, а в заключительной части, по существу, воспроизводит предложенную в указанное же время (т.е. в начале 90-х) логику рассуждений В.М. Соловьева, который справедливо назван «весьма авторитетным специалистом в этой области» [Там же. С. 111]. И тут мы сталкиваемся с очередным историографическим парадоксом. При декларируемом уважительном отношении к названному выше историку в книге Н.И. Никитина практически отсутствуют отсылки к небесспорной, но одной из самых ярких и самых «свежих» (1994) монографий В.М. Соловьева «Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность» [9]. В отличие от его же совместной с Е.В. Чистяковой работы 1988 г., она вспоминается всего лишь дважды: в одном случае не совсем по делу, в другом – без указания конкретных страниц (больше подобных пробелов в примечаниях нет). И все же равнодушие к подлинно новаторскому исследованию В.М. Соловьева – не самый главный и не единственный историографический недостаток рецензируемого «очерка». Об изрядных пробелах свидетельствует всего одна ссылка (№ 21), сделанная в общем порядке на небольшое (80 с.) популярное издание крупнейшего знатока разинского восстания советского историка И.В. Степанова [10]. В то время как его же незавершенный в виду смерти фундаментальный двухтомный труд, по-видимому, не знаком Н.И. Никитину [11, 12]. Один из лучших исследователей донской истории Н.А. Мининков преимущественно цитируется по его обобщающей работе (в соавторстве с А.П. Пронштейном), опубликованной в 1983 г. Куда более современная монография этого ученого (1998) остается за пределами авторского внимания [13]. Ряд

новейших специальных публикаций вообще был проигнорирован Н.И. Никитиным (К. Ингерфлом, В.Н. Королев, М. Чертанов и др.). Отсутствуют сведения о других работах современных историков, упомянутых в его книге, либо их взгляды подвергаются порой безосновательной обструкции. Перечень историографических лакун можно продолжать и далее.

«Под раздачу» скопом попал и автор, пишущий данные строки. В частности, Н.И. Никитину не понравились опыты реконструкции ритуально-символической природы масштабных расправ, творимых российскими бунтовщиками XVII–XVIII вв. Что ж, подобное отношение встречается не впервой. Закономерно, что приверженцам традиционных подходов к истории столь непривычные для них истолкования не могут быть по душе. Изрядно угрируя мои, как он пишет, «остроумные построения», с которыми, меж тем, знаком только по кандидатской и докторской диссертациям, в основном на уровне авторефератов, он оценивает их как пример «упрощений» и «схематизаций», отмечает в качестве недостатка «чисто умозрительный характер». Забавно, что регулярный протест возникает у Н.И. Никитина при встрече с отдельными попытками истолковать прошлое сквозь категорию «сексуальности» [1. С. 56–57, 113]. Что, в свою очередь, вызывает уже мое недоумение. Если «рожденный в СССР» автор книги считает, что и в позднем Средневековье в России не было секса, то вряд ли с ним можно согласиться. Либо он придерживается пуританских принципов и полагает, что интимные отношения в жизни людей не играют никакой роли, в том числе в жизни тех, кто населял «бунташное» столетие. Чтобы убедить в обратном, остается пожелать ему расширить кругозор знакомством с многочисленными работами отечественных и зарубежных исследователей «психологии толпы» и гендерной истории. После чего еще раз и более внимательно взглянуть на исторические источники, в том числе по разинскому движению.

Прихотливо смешивая мои взгляды со взглядами О.Г. Усенко, Н.И. Никитин предьявляет ошибочный упрек в том, что наши «построения» «не имеют никаких зацепок в источниках». Конечно же, имеют. Только узнать об этом возможно при чтении не авторефератов, а опубликованных монографий или статей, часть коих размещена в e-library. Понятно, что иначе никакие интерпретационные модели не могли бы появиться на свет. В противовес нашему, по его словам, «субъективизму», автор предлагает ориентироваться «на конкретно-исторический материал», откуда, видимо, надеется почерпнуть факты в готовом виде [Там же. С. 57]. Складывается впечатление, что Н.И. Никитин – давний поклонник «Анналов» Тацита и вслед за римским историком мечтает подходить к прошлому «без гнева и пристрастия», как он пишет в аннотации, «всесторонне и объективно». Либо он сторонник методологии немецкого историка Л. фон Ранке, а потому уверен в способности исследователя описать прошлое, как оно

«происходило на самом деле». Ну или, наконец, не исключено, его манит «незамысловатый» претенциозный перифраз французского историка Н. Фюстеля де Куланжа: «Голос историка – это голос Бога». А потому, дескать, – «факты, факты, ничего кроме фактов». Во всех указанных случаях чаяния Н.И. Никитина следует квалифицировать как наивные и утопичные. Эфемерность подобных намерений давно доказана исторической наукой, «история в этом смысле недоступна нашему познанию. Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано» [14. С. 85].

Несомненно, факт как таковой, поскольку он установлен, иногда может иметь большое значение. Но любому историку известно, что чаще всего на первый план выходит не сам факт, а его интерпретация, вокруг которой разгораются научные споры. Об этом с легким сарказмом писал И.Н. Данилевский: «...вряд ли нас волнует тот факт, что однажды, около 227 000 средних солнечных суток назад, приблизительно на пересечении 54° с.ш. и 38° в.д., на сравнительно небольшом участке земли (около 9,5 км²), ограниченном с двух сторон реками, собралось несколько тысяч представителей биологического вида *Homo sapiens*, которые в течение нескольких часов при помощи различных приспособлений уничтожали друг друга. Затем оставшиеся в живых разошлись: одна группа отправилась на юг, а другая на север... Между тем именно это и происходило, по большому счету, “на самом деле”, объективно на Куликовом поле» [15. С. 5–6].

Иначе говоря, историческая природа факта не снижает степени относительности и субъективности реконструируемой картины прошлого, связанных с познавательной деятельностью историка, который не в силах «добру и злу внимать равнодушно». Тем не менее научная интерпретация не является произвольной, а основывается на реальной базе, которую составляют факты истории. Историк как бы открывает значение факта, используя весь методологический арсенал, который дает ему в руки историческая наука с тем, чтобы получить максимально полное и адекватное знание о прошлом. Но затруднять себя подобными гносеологическими сложностями Н.И. Никитину не хочется. Гораздо проще без затей пересказать заимствованные из чужих трудов сведения в виде более-менее связной вереницы событий.

Совершенно очевидно, что для сегодняшнего историка недостаточно презентации новых фактов, которых, напомним, в рассматриваемой работе мы не найдем. Чтобы быть по-настоящему современным ученым, чтобы соответствовать историографическому и методологическому уровню начала XXI в., историк должен стремиться истолковать логику поступков своих героев, пытаться понять смысл их действий. На этом нелегком поприще герменевтической дешифровки культурной символики прошлого

(а традиционная культура насквозь символична), конечно, возможны и даже неизбежны досадные промахи и преувеличения. Но иного пути для современного историка просто не существует. Иначе он обречен на бесконечное повторение и воспроизведение пройденного историографией, как это, по сути, случилось в «очерке» Н.И. Никитина.

Не буду углубляться в дебри имеющихся в справочном аппарате книги многочисленных опечаток и путаниц. Приведу лишь несколько иллюстративных примеров. В сноске № 25 вместо известного дореволюционного историка С.М. Соловьева указан современный историк В.М. Соловьев. Ошибочка всего в один инициал, однако, адресовала читающую публику к совсем другому ученому. Сноска под № 96 маркирует цитату из работы О.Г. Усенко, а примечания сделаны на мою докторскую диссертацию, на соответствующей странице которой, разумеется, нет ничего подобного. Да и название диссертации (№ 95) указано неправильно и без выходных данных. В сноске № 212 отмеченные страницы не соответствуют тексту цитируемых изданий и т.д. и т.п. Пожалуй, только в таком смысле можно согласиться, что рецензируемая книга, действительно, является продуктом XXI столетия со всеми распространенными сегодня удручающими квазинаучными атрибутами: механической компиляцией, выдаваемой за собственные открытия, наличием множества

ляпов и нелепых ошибок, дилетантизмом и ни на чем не основанном апломбе.

Подводя итоги, замечу, что обещанного взгляда из XXI в. читатели так и не дождались. Вместо этого, разинское восстание на страницах «очерка» прочно «заблудилось» в хаосе временного коллапса, явно тяготея к историографическому «вчера». В целом неплохая по содержанию книга добротна, пусть и поверхностно, пересказывает общеизвестные события и основные трактовки народного бунта под предводительством С.Т. Разина. Как напоминание о них неизбалованному соответствующим чтением среднестатистическому россиянину, живущему в начале XXI в., – это, в общем-то, хорошо само по себе. В чем невозможно отказать Н.И. Никитину – это мастерское владение пером. Книга действительно написана достаточно живым стилем, а потому читается легко и с интересом. Не случайно, что другие работы этого же автора ранее неоднократно публиковались в научно-популярных книжных сериях и периодических изданиях. Но едва ли рецензируемый «очерк», изданный в академическом издательстве, может претендовать на что-то большее. Новая книга на старую тему, написанная уважаемым и авторитетным в исторической науке ученым, к сожалению, производит впечатление талантливого, но впопыхах состряпанного компилятивного эрзаца для закрытия какого-нибудь очередного институтского плана по публикациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.И. Разинское движение: взгляд из XXI в. М. : Институт российской истории РАН, 2017. 160 с.
2. Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954–1976.
3. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / под ред. А.Г. Манькова. Л. : Наука, 1968. 175 с.
4. Иностранные известия о восстании Степана Разина / под ред. А.Г. Манькова. Л. : Наука, 1975. 192 с.
5. Усенко О.Г. Социальный протест в России до начала XX века : терминология и классификация // Из архива тверских историков. Вып. 6 : Сборник воспоминаний и научных трудов. К 70-летию со дня рождения профессора М.М. Червяковой. Тверь : Научная книга, 2006. С. 60–80.
6. Никитин Н.И. Об историческом значении и характере «крестьянских войн» в России (на примере движения Степана Разина) // Труды Института российской истории РАН. 2017. № 14. С. 219–239.
7. Нехамкин В.А. Контрфактические исследования в историческом познании : генезис, методология. М. : МАКС Пресс, 2006. 176 с.
8. Нехамкин В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. 2010. 296 с.
9. Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М. : ТИМР, 1994. 252 с.
10. Степанов И.В. Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина (1670–1671 гг.). М. : Госполитиздат, 1957. 80 с.
11. Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. Т. 1. 371 с.
12. Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Начальный период Крестьянской войны. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. Т. 2, ч. 1. 158 с.
13. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 512 с.
14. Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей : Человек в истории. М. : Credo, 1996. С. 81–109.
15. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М. : Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Maul Viktor Ya. Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate), (Nizhnevartovsk, Russia). VYMaule@mail.ru

RAZIN UPRISING IN THE CHAOS OF A TEMPORARY COLLAPSE (THINKING ABOUT NEW BOOK)

Key words: Razin uprising; historiography; N.I. Nikitin; "the view from the XXI century"; S.T. Razin; participants Razin uprising; historiographic criticism; review.

The review analyzes the "historical sketch" by the historian N.I. Nikitin "Razin movement: a view from the XXI century", published in 2017 as a separate book in publishing house of Institute of Russian history. We examine the main conceptual provisions of the author's understanding Razin topics including cognitive approaches to published historical sources and the available historiographic literature on the history of the national movement under the leadership of S.T. Razin. There are shortcomings in the theoretical structures proposed by N.I. Nikitin, and also the lack of scientific novelty in the views and estimates of the Razin rebellion. It is shown that the set of statements and interpretations discussed in the book by N.I. Nikitin problems reflect the level of ideas about Razin motion, typical for Russian historiography of the late 1980s – early 1990s concluded that they do not correspond to the content of a modern (XXI century) understanding social protest in Russia.

REFERENCES

1. Nikitin, N.I. (2017) *Razinskoe dvizhenie : vzglyad iz XXI v.* [The Razin movement: a view from the 21st century]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
2. Shvetsova, E.A. (ed.) (1954–1976) *Krest'yanskaya voyna v Rossii pod predvoditel'stvom Stepana Razina. V 4-kh tt.* [Peasants' War in Russia under the leadership of Stepan Razin. In 4 vols]. Moscow: USSR AS.
3. Mankov, A.G. (ed.) (1968) *Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina* [Foreigners about Stepan Razin's uprising]. Leningrad: Nauka.
4. Mankov, A.G. (ed.) (1975) *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina* [Foreign news about Stepan Razin's uprising]. Leningrad: Nauka.
5. Usenko, O.G. (2006) Sotsial'nyy protest v Rossii do nachala XX veka: terminologiya i klassifikatsiya [Social protest in Russia before the early 20th century: Terminology and classification]. In: Leontieva, T.G. (ed.) *Iz arkhiva tverskikh istorikov* [From the Archives of Tver Historians]. Issue 6. Tver: Nauchnaya kniga. pp. 60–80.
6. Nikitin, N.I. (2017) Ob istoricheskom znachenii i kharaktere “krest'yanskikh voyn” v Rossii (na primere dvizheniya Stepana Razina) [On the historical significance and nature of “peasant wars” in Russia (on the example of Stepan Razin's movement)]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. 14. pp. 219-239.
7. Nekhamkin, V.A. (2006) *Kontrfakticheskie issledovaniya v istoricheskom poznanii: genesis, metodologiya* [Counterfactual research in historical knowledge: genesis, methodology]. Moscow: MAKS Press.
8. Nekhamkin, V.A. (2010) *Stanovlenie kontrfakticheskoy istorii: filosofsko-metodologicheskii aspekt* [The formation of counterfactual history: the philosophical and methodological aspect]. Moscow: Maks-Press.
9. Soloviev, V.M. (1994) *Anatomiya russkogo bunta. Stepan Razin: mify i real'nost'* [Anatomy of the Russian rebellion. Stepan Razin: Myths and Reality]. Moscow: TIMR.
10. Stepanov, I.V. (1957) *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom S.T. Razina (1670-1671 gg.)* [The peasant war led by S.T. Razin (1670–1671)]. Moscow: Gospolitizdat.
11. Stepanov, I.V. (1966) *Krest'yanskaya voyna v Rossii v 1670-1671 gg.: Vosstanie Stepana Razina* [The peasant war in Russia in 1670–1671: The Rise of Stepan Razin]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
12. Stepanov, I.V. (1972) *Krest'yanskaya voyna v Rossii v 1670-1671 gg.: Nachal'nyy period krest'yanskoy voyny* [The peasant war in Russia in 1670–1671: The initial period of peasant war]. Vol. 2(1). Leningrad: Leningrad State University.
13. Mininkov, N.A. (1998) *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the late Middle Ages (until 1671)]. Rostov on Don: Rostov State University.
14. Gurevich, A.Ya. (1996) “Territoriya istorika” [The territory of a historian]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey: Chelovek v istorii* [Odysseus: Man in History]. Moscow: Coda. pp. 81–109.
15. Danilevskiy, I.N. (2001) *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII-XIV vv.)* [The Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (the 12th – 14th centuries)]. Moscow: Aspekt Press.